

— Кажется, мы встречаемся в третий раз, — сказал мужчина в инвалидной коляске, наливая ему чашку горячего чая, и только потом неторопливо заговорил.

Е Ваньсин взял чай, немного подумал и осторожно произнёс:

— В прошлый раз, когда я забирал уведомление о зачислении, я случайно оскорбил господина Цинь, но в то же время получил от вас милость. Если в будущем Цинь Хуаю понадобится помощь, я непременно помогу.

Пальцы, касавшиеся тёплой чашки, слегка дрожали. Е Ваньсин незаметно сжал их и, подняв голову, встретил испытующий взгляд мужчины, хотя в душе у него всё переворачивалось.

Это был первый раз с момента его перерождения, когда он почувствовал давление от человека другого уровня и статуса. Он мог догадаться, что думал о нём этот господин Цинь.

Первый раз — совпадение. Второй, возможно, тоже. Но третий раз, появиться рядом с его племянником и вести себя так необычно — трудно поверить, что это не было сделано намеренно.

Сейчас Е Ваньсину было очень беспокойно. Второй дядя Цинь Хуая оказался этим человеком — Цинь Цуном.

В прошлой жизни он и близко не мог подойти к этому человеку. Тогда он был всего лишь каскадёром-статистом девятого пошиба, а этот человек... он слышал о нём в кругах шоу-бизнеса.

На самом деле, ни в одной из аристократических семей не было фамилии Цинь. Это означало, что этот человек сам, шаг за шагом, стал человеком из семьи Цинь.

Говорили, что Цинь Цун был человеком с непредсказуемым характером. Ходили слухи, что в молодости он служил в спецназе, но из-за каких-то обстоятельств потерял способность ходить и был вынужден передвигаться в инвалидной коляске. Но он не пал духом и, используя свои старые связи, быстро отхватил себе огромный кусок пирога в высшем обществе города. Были те, кто пытался его устранить, но он сам был выходцем из спецназа и обращался с врагами крайне жестоко и ужасающе. Как только он узнавал, кто его враг, он безжалостно давил его до тех пор, пока тот не мог выжить.

Именно поэтому в кругах шоу-бизнеса, говоря о нём, никогда не осмеливались называть его настоящее имя, а лишь туманно намекали, называя его «голодным волком». Сам Е Ваньсин долго гадал и лишь однажды, когда один из инвесторов проговорился, узнал его имя.

Но сейчас! Он сидел прямо перед таким человеком! Пальцы Е Ваньсина, лежавшие на чашке, постепенно покраснели от жара, но он этого не замечал. Хотя он смотрел прямо в глаза Цинь Цуну, его сердце билось так громко, что он не мог думать и действовал инстинктивно, стоя перед этим хищником с вершины пищевой цепи.

В ясных и чистых глазах юноши Цинь Цун был уверен, что не видит ни капли лжи или обмана, а лишь редкое для его возраста спокойствие и искренность. Он наконец отвёл взгляд, и его аура внезапно ослабла. Е Ваньсин инстинктивно с облегчением выдохнул. Вскоре он понял, что сделал, и в мгновение ока румянец залил его от белоснежной шеи до макушки.

Юноша был сплошным противоречием. Ему было всего около двадцати, но в нём чувствовалась не свойственная его возрасту мудрость и зрелость, и в то же время он мог, сам того не

замечая, вести себя как милый котёнок, вызывая симпатию. Взгляд Цинь Цуна задержался на нежных и изящных ключицах юноши. Он неторопливо поднял чашку и сделал глоток. Свежий и сладкий вкус наполнил его горло, заставляя его невольно расслабить напряжённые нервы. Шрам на уголке глаза стал казаться не таким пугающим.

Он понял, что имел в виду юноша. То, что он оказался в том месте в тот день, было действительно совпадением. Он проверил передвижения юноши — тот действительно приехал за уведомлением о зачислении. А что касается встречи у кладбища, то это была мягкосердечность его подчинённого. А встреча Цинь Хуая с юношей — это была просто судьба. Цинь Цун, сложив все факты воедино, отбросил подозрения о том, что у юноши были скрытые мотивы. Он слегка прикрыл лоб рукой, скрывая почти вырвавшееся наружу бешенство.

Он уже три месяца пытался бросить лекарства. Неужели три месяца — это предел? С силой подавив бесконечные подозрения и поднимающийся гнев, Цинь Цун спокойно посмотрел на потолок. Он ни за что не позволит себе превратиться в неконтролируемого зверя.

Атмосфера необъяснимо стала более расслабленной. Один пил чай, другой смотрел в свою чашку. Цинь Хуай, переодевшись, спустился вниз и увидел эту странную сцену.

— Дядя, А Син, что вы делаете? — он с недоумением подошёл к ним и тут же заметил, что его дядя достал свой самый ценный чай. Он не удержался и принялся — действительно, заварил! Он тут же подбежал, взял чашку и быстро налил себе.

— Осторожно!.. Горячо... — глядя, как Цинь Хуай, обжёгшись, подпрыгивает на месте и высовывает язык, Е Ваньсин не удержался и потёр нос. Что ж, поздно сказал.

Выпив чай залпом, Е Ваньсин не удержался и потёр покрасневшими пальцами свою алуую мочку уха. Как же горячо...

Глядя на глупости этих двоих, Цинь Цун чуть не рассмеялся, но, чтобы побереечь самолюбие своего глупого племянника, он быстро сменил тему. Сильной рукой он оттолкнулся от сиденья и пересел в инвалидную коляску, стоявшую рядом, после чего позвал их.

— Поехали. Раз уж каникулы, отвезу вас поесть чего-нибудь вкусного.

Е Ваньсина, которого насильно взяли с собой, накормили и напоили. Он увидел, что хотя слухи о Цинь Цуне были не совсем верны, в отношении к племяннику он был именно таким, как говорили.

Конечно, он также увидел, как тот самый Цинь Саньцянь, который когда-то был в его глазах зрелым, серьёзным и талантливым актёром, превратился в глупого Саньцяня, который только и делал, что обнимал ногу своего дяди, кричал «ббб» и беззастенчиво опустошал стол...

Не в силах на это смотреть, Е Ваньсин отвернулся и решил немного прогуляться, чтобы переварить пищу. Под влиянием одного человека он и сам незаметно съел довольно много.

Дверь с балкона вела на открытую террасу. Вдалеке виднелись густые, как лес, деревья. Вечерний ветерок приносил с собой густой запах влаги, а воздух был наполнен ароматом земли. Е Ваньсин прикрыл глаза, наслаждаясь этим мгновением единения с природой.

— А Син, — то же имя, произнесённое другим человеком, заставило сердце Е Ваньсина дрогнуть. Он быстро обернулся.

— Господин Цинь.

Цинь Цун кивнул и указал на мужчину рядом с собой. Е Ваньсин машинально посмотрел и был поражён.

— Агент Чжао?

Рядом с женщиной стоял тот самый золотой агент из его прошлой жизни, которого он ждал вчера весь день, но так и не встретил, — Чжао Сюньфэн.

Чжао Сюньфэн тоже был удивлён. Он и не знал, что так знаменит. Мало того, что вчера поздно вечером его подобрал этот господин Цинь, так сегодня этот новичок, который в последнее время наделал столько шума, так хорошо его знает.

Е Ваньсин посмотрел на Чжао Сюньфэна, затем, нахмурившись, на Цинь Цуна. Он не знал, не слишком ли много он себе надумал, но то, что этот человек привёл сюда Чжао Сюньфэна, вряд ли было простым совпадением.

Цинь Цун, поймав взгляд юноши, понял, что тот догадался о его намерениях. Он не стал ничего объяснять.

— Это агент, которого я тебе нашёл.

Раз уж он ошибся в своих подозрениях насчёт юноши, то, как старший родственник Цинь Хуая, он должен был как-то это компенсировать. Так думал Цинь Цун, совершенно забыв, что с другими людьми он никогда не придерживался никаких правил этикета.

Хотя Е Ваньсину было немного не по себе, он быстро взял себя в руки. Действительно, сейчас ему больше всего нужен был агент, который мог бы ему помочь. У него не было причин отказываться от такого щедрого подарка.

— Тогда я благодарю господина Цинь. Учитывая и прошлый раз, надеюсь, когда у меня появится возможность, господин Цинь позволит мне отплатить вам, — Е Ваньсин не собирался принимать этот дар просто так и серьёзно посмотрел в глаза Цинь Цуну.

— Конечно.

Они улыбнулись друг другу, не замечая, как расстроен был стоявший рядом Чжао Сюньфэн. Хотя новый босс был хорош, но вот так, без обсуждения, навязать ему нового артиста — это было немного чересчур, не так ли? И почему этот парень, которому всего лишь чуть больше двадцати, так гармонично смотрится рядом с новым боссом? Неужели мир так несправедлив?

<http://bllate.org/book/14939/1324029>